

ПОПРЫГУНЯ — эпизод 6 из 10

Что-то они подделывают теперь? Вспоминают ли о ней? Сезон уже начался, и пора бы подумать о вечеринках. А Дымов? Милый Дымов! Как кротко и детски-жалобно он просит ее в своих письмах поскорее ехать домой! Каждый месяц он высылал ей по 75 рублей, а когда она написала ему, что задолжала художникам сто рублей, то он прислал ей и эти сто. Какой добрый, великодушный человек! Путешествие утомило Ольгу Ивановну, она скучала, и ей хотелось поскорее уйти от этих мужиков, от запаха речной сырости и сбросить с себя это чувство физической нечистоты, которое она испытывала все время, живя в крестьянских избах и кочуя из села в село. Если бы Рябовский не дал честного слова художникам, что он проживет с ними здесь до 20 сентября, то можно было бы уехать сегодня же. И как бы это было хорошо!

Боже мой, простонал Рябовский, когда же наконец будет солнце? Не могу же я солнечный пейзаж продолжать без солнца!..

А у тебя есть этюд при облачном небе, сказала Ольга Ивановна, выходя из-за перегородки. Помнишь, на правом плане лес, а на левом стадо коров и гуси. Теперь ты мог бы его кончить.

Э! поморщился художник. Кончить! Неужели вы думаете, что сам я так глуп, что не знаю, что мне нужно делать!

Как ты ко мне переменялся! вздохнула Ольга Ивановна.

Ну, и прекрасно.

У Ольги Ивановны задрожало лицо, она отошла к печке и заплакала.

Да, недоставало только слез. Перестаньте! У меня тысячи причин плакать, однако же я не плачу.

Тысячи причин! всхлипнула Ольга Ивановна. Самая главная причина, что вы уже тяготитесь мной. Да! сказала она и зарыдала. Если говорить правду, то вы стыдитесь нашей любви. Вы всё стараетесь, чтобы художники не заметили, хотя этого скрыть нельзя, и им всё давно уже известно.

Ольга, я об одном прошу вас, сказал художник умоляюще и приложив руку к сердцу, об одном: не мучьте меня! Больше мне от вас ничего не нужно!

Но поклянитесь, что вы меня всё еще любите! Это мучительно! процедил сквозь зубы художник и вскочил. Кончится тем, что я брошусь в Волгу или сойду с ума! Оставьте меня!

Ну, убейте, убейте меня! крикнула Ольга Ивановна. Убейте!

Она опять зарыдала и пошла за перегородку. На соломенной крыше избы зашуршал дождь. Рябовский схватил себя за голову и прошелся из угла в угол,

потом с решительным лицом, как будто желая что-то кому-то доказать, надел фуражку, перекинул через плечо ружье и вышел из избы.

По уходе его, Ольга Ивановна долго лежала на кровати и плакала. Сначала она думала о том, что хорошо бы отравиться, чтобы вернувшийся Рябовский застал ее мертвою, потом же она унеслась мыслями в гостиную, в кабинет мужа и вообразила, как она сидит неподвижно рядом с Дымовым и наслаждается физическим покоем и чистотой и как вечером сидит в театре и слушает Мазини. И тоска по цивилизации, по городскому шуму и известным людям защемила ее сердце. В избу вошла баба и стала не спеша топить печь, чтобы готовить обед. Запахло гарью, и воздух посинел от дыма. Приходили художники в высоких грязных сапогах и с мокрыми от дождя лицами, рассматривали этюды и говорили себе в утешение, что Волга даже и в дурную погоду имеет свою прелесть. А дешевые часы на стенке: тик-тик-тик... Озябшие мухи столпились в переднем углу около образов и жужжат, и слышно, как под лавками в толстых папках возятся прусаки...

Рябовский вернулся домой, когда заходило солнце. Он бросил на стол фуражку и, бледный, замученный, в грязных сапогах, опустился на лавку и закрыл глаза.

Я устал... сказал он и задвигал бровями, силясь поднять веки.

Чтобы приласкаться к нему и показать, что она не сердится, Ольга Ивановна подошла к нему, молча поцеловала и провела гребенкой по его белокурым волосам. Ей захотелось причесать его.

Что такое? спросил он, вздрогнув, точно к нему прикоснулись чем-то холодным, и открыл глаза. Что такое? Оставьте меня в покое, прошу вас.

Он отстранил ее руками и отошел, и ей показалось, что лицо его выражало отвращение и досаду. В это время баба осторожно несла ему в обеих руках тарелку со щами, и Ольга Ивановна видела, как она обмочила во щих свои большие пальцы. И грязная баба с перетянутым животом, и щи, которые стал жадно есть Рябовский, и изба, и вся эта жизнь, которую вначале она так любила за простоту и художественный беспорядок, показались ей теперь ужасными. Она вдруг почувствовала себя оскорбленной и сказала холодно: Нам нужно расстаться на некоторое время, а то от скуки мы можем серьезно поссориться. Мне это надоело. Сегодня я уеду.

На чем? На палочке верхом?

Сегодня четверг, значит, в половине десятого придет пароход.

А? Да, да... Ну что ж, поезжай... сказал мягко Рябовский, утираясь вместо салфетки полотенцем. Тебе здесь скучно и делать нечего, и надо быть большим эгоистом, чтобы удерживать тебя. Поезжай, а после двадцатого увидимся.

Ольга Ивановна укладывалась весело, и даже щеки у нее разгорелись от

удовольствия. Неужели это правда, спрашивала она себя, что скоро она будет писать в гостиной, а спать в спальне и обедать со скатертью? У нее отлегло от сердца, и она уже не сердилась на художника.

Краски и кисти я оставляю тебе, Рябуша, говорила она. Что останется, привезешь... Смотри же, без меня тут не ленись, не хандри, а работай. Ты у меня молодчина, Рябуша.

В девять часов Рябовский, на прощанье, поцеловал ее для того, как она думала, чтобы не целовать на пароходе при художниках, и проводил на пристань. Подошел скоро пароход и увез ее.

Приехала она домой через двое с половиной суток.